

МОРАЛЬНАЯ КАРТОГРАФИЯ: КЛАССИФИКАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВЕНЬ В РАБОЧЕЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕЛЬСКИХ БЮРОКРАТОВ

Александра Леонидовна Захарова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

zakharova@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : В статье на материалах включенного наблюдения в двух сельских поселениях на юго-западе Сибири и интервью с главами других поселений того же района анализируются используемые сельскими управленцами (служащими администраций и членами управленческих команд) классификации деревень. Исследуется, по каким принципам выделяются «характеры» деревень, в каких контекстах происходит моральное картографирование пространства. Показано, что важными дифференцирующими признаками в управленческих характеристиках населенных пунктов служат самостоятельность жителей в решении проблем или адресация требований администрации, сплоченность и готовность содействовать бюрократам в управленческой деятельности или разобщенность. Эти классификационные признаки говорят о «проблемности» населенного пункта для сельских бюрократов, т.е. о том, какова вероятность конфликтов, претензий и различных, в том числе формально необязательных, запросов, адресуемых служащим администрации. Автор приходит к выводу, что одна из функций бюрократического классифицирования деревень — адаптация к неопределенности, характерной для работы сельских управленцев. Знание «характеров» жителей населенных пунктов позволяет управленцам сформировать ожидания, выработать стратегии работы и объяснить управленческие успехи и неудачи. Наравне с этим умение картографировать социальное пространство села значимо для статуса сельских управленцев, особенно сельских глав. Ежедневно сталкиваясь с дефицитом административных и материальных ресурсов, сельские бюрократы ощущают собственное положение как уязвимое. Однако «подобающее» знание социального пространства позволяет им якобы изменить свою позицию. В соответствии с идеей об ответственности управленцев за пространство классификации деревень дают им возможность продемонстрировать всеобъемлющее знание подвластной территории и тем самым свидетельствуют о статусе сельских бюрократов как «хозяев» земли.

К л ю ч е в ы е с л о в а : антропология бюрократии, муниципальное управление, уличная бюрократия, сельская администрация, неопределенность, классификация.

Б л а г о д а р н о с т и : Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00238 «“Земля храбрых”: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике» -<https://rscf.ru/project/22-18-00238/>.

Д л я с с ы л о к : Захарова А. Моральная картография: классификации жителей деревень в рабочей повседневности сельских бюрократов // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 103–129.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-103-129

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/zakharova.pdf>

MORAL CARTOGRAPHY: CLASSIFICATIONS OF VILLAGE RESIDENTS IN THE EVERYDAY LIFE OF RURAL BUREAUCRATS

Aleksandra Zakharova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

zakharova@eu.spb.ru

A b s t r a c t : The article analyzes the classifications of the residents of settlements used by rural bureaucrats (employees of rural administrations and members of their teams). The analysis is based on materials gathered through participant observation in two rural settlements in southwestern Siberia. The principles by which the “characters” of villages are distinguished are examined, i.e. in what contexts a “moral cartography” of localities takes place. The study shows that the most frequent differentiating features in the bureaucratic characterization of villages are: 1) the independence of residents in solving their problems or addressing the requirements of the administration; 2) cohesion and willingness to help bureaucrats in governance or lack thereof. These classification signs indicate the “problematic nature” of the village for rural bureaucrats, i.e. the possibility of conflicts, complaints and claims. The author concludes that one of the functions of the bureaucratic classification of villages is contingency coping strategy, which is characteristic of the task-oriented work of rural bureaucrats. Knowledge of the “character” of the inhabitants of settlements allows officials to form expectations, develop work strategies and explain managerial successes and failures. In addition, the ability to map the social space of a village is important for confirming the status of rural governors and especially the heads of rural administrations. Faced daily with a shortage of administrative and material resources, rural bureaucrats find their own intermediate positions to be vulnerable. However, the “proper” knowledge of social space allows them seemingly to reverse

their dependent position. As for governors responsible for space, the classifications of villages give local officials an opportunity to demonstrate a comprehensive knowledge of the territory, thereby testifying to their status as “owners” (*khozyaeva*) of the land.

Key words: anthropology of bureaucracy, municipal government, street-level bureaucracy, rural administration, contingency, classification.

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation — research project no. 22-18-00238 <<https://rscf.ru/project/22-18-00238/>>.

To cite: Zakharova A., ‘Moralnaya kartografiya: klassifikatsii zhitel'ey dereven v rabochey povsednevnosti selskikh byurokratov’ [Moral Cartography: Classifications of Village Residents in the Everyday Life of Rural Bureaucrats], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 59, pp. 103–129.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-59-103-129

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/059/zakharova.pdf>

Александра Захарова

Моральная картография: классификации жителей деревень в рабочей повседневности сельских бюрократов

В статье на материалах включенного наблюдения в двух сельских поселениях на юго-западе Сибири и интервью с главами других поселений того же района анализируются используемые сельскими управленцами (служащими администраций и членами управленческих команд) классификации деревень. Исследуется, по каким принципам выделяются «характеры» деревень, в каких контекстах происходит моральное картографирование пространства. Показано, что важными дифференцирующими признаками в управленческих характерологиях населенных пунктов служат самостоятельность жителей в решении проблем или адресация требований администрации, сплоченность и готовность содействовать бюрократам в управленческой деятельности или разобщенность. Эти классификационные признаки говорят о «проблемности» населенного пункта для сельских бюрократов, т.е. о том, какова вероятность конфликтов, претензий и различных, в том числе формально необязательных, запросов, адресуемых служащим администрации. Автор приходит к выводу, что одна из функций бюрократического классифицирования деревень — адаптация к неопределенности, характерной для работы сельских управленцев. Знание «характеров» жителей населенных пунктов позволяет управленцам сформировать ожидания, выработать стратегии работы и объяснить управленческие успехи и неудачи. Наравне с этим умение картографировать социальное пространство села значимо для статуса сельских управленцев, особенно сельских глав. Ежедневно сталкиваясь с дефицитом административных и материальных ресурсов, сельские бюрократы ощущают собственное положение как уязвимое. Однако «подобающее» знание социального пространства позволяет им якобы изменить свою позицию. В соответствии с идеей об ответственности управленцев за пространство классификации деревень дают им возможность продемонстрировать всеобъемлющее знание подвластной территории и тем самым свидетельствуют о статусе сельских бюрократов как «хозяев» земли.

Ключевые слова: антропология бюрократии, муниципальное управление, уличная бюрократия, сельская администрация, неопределенность, классификация.

«Черное и белое»

На кухне, как всегда, работал телевизор и на фоне мистической музыки из телепередачи «Слепая» пили чай я и Ира¹, специалист по социальной работе в Павлово, у которой я сняла комнату. Это была наша первая беседа, и обсуждение деталей наших биографий перемежалось рассказами о моем исследовании и о поселении, куда я приехала тем утром. Родившаяся и выросшая в Павлово, Ира с любовью говорила об этом месте. Она заметила, что живут тут в основном «местные», село «дружное», «люди здесь хорошие», и в качестве подтверждения привела взаимное сочувствие жителей друг другу и готовность помочь в беде. «У деда тут сарайка загорелась, все воду таскали, все тушили. Если кто-то умрет, не дай бог, или тяжело заболит — все туда», — с гордостью сказала Ира. Вторая деревня поселения,

Александра Леонидовна Захарова
Европейский университет в
Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

¹ Все имена и топонимы изменены.

Ильинка, в ее рассказе предстала своеобразным антиподом павловской социальной идиллии. Населенную «больше приезжими» Ильинку Ира представила как место, жители которого не только не стали тушить загоревшийся соседский дом, но и с улыбками наблюдали, как с пожаром борется глава поселения.

Наверное, можно было бы принять это основанное на дихотомии описание поселения за предвзятость местного жителя, подчеркивающего достоинства своей деревни и недостатки соседней. Однако, если и есть в этой интерпретации своя правда, предвзята в своей оценке была не одна Ира. В ходе полевой работы в Павлово я регулярно сталкивалась с противопоставлением управленцами двух входящих в поселение населенных пунктов. Так, тем же утром, дожидаясь Иру в здании администрации, от ведущего специалиста Валерии я узнала, что жители Ильинки — «приезжие» и «помоложе», тогда как в Павлово в основном «местные» и «пенсионеры». Состоявшийся несколько недель спустя разговор с главой поселения Надеждой также не обошелся без сравнения населенных пунктов: «Мне у нас [в Павлово] люди очень нравятся — люди все спокойные, добрые. Так-то живем все сами по себе, но когда что-то случается, пожары или кто-то заболит, не дай бог умрет, все приходят. <...> Отзывчивость вот есть у людей. <...> Вот в Ильинке, там люди приезжие, они сами по себе, такой нет отзывчивости, они помоложе, люди сложнее». Когда однажды я поделилась с Ирой планами съездить в Ильинку, она прокомментировала: «Будет у тебя разница какая-то в отношениях в одной деревне и в другой, хотя живем близко, общаемся. <...> И вот какое отношение у нас в селе и там в деревне. Черное — белое». Неожиданно для меня схожим образом описала населенные пункты и участвующая в управлении жительница Ильинки — председатель Совета ветеранов, как и другие управленцы, ответившая мне, что в Ильинке люди «с опаской такие вот. Они все здесь приезжие и друг с другом не все ладят».

Представленный способ описания сельской территории, когда жители одной деревни наделяются общими чертами, отличающими их от жителей соседних населенных пунктов, не уникален для Павлово. Как показывают материалы включенного наблюдения в двух сельских поселениях одного района на юго-западе Сибири (август и сентябрь 2021, август 2023 — Большовское сельское поселение, около 1300 чел.; октябрь и ноябрь 2022 — Павловское сельское поселение, около 500 чел.) и данные интервью с четырьмя главами соседних поселений, входящие в состав муниципальных образований села и деревни активно сравниваются и противопоставляются сельскими бюрократами. Как сформулировала одна из сельских глав, «каждое поселе-

ние — это вообще... как небо, наверное, и земля в любом случае. Это вот разные складывающиеся характеры у людей, люди разные. Несмотря на то, что вообще живут-то вот там в нескольких километрах друг от друга. Да что говорить, если у нас населенных пунктов, их пять, и везде люди разные совершенно!»

Классификации деревень по «характерам» сосуществуют в рабочей практике сельских управленцев — служащих сельских администраций и членов их команд¹ — с применяющимися к отдельным жителям дихотомическими категориями: «простой / сложный»; «хороший / нехороший»; «активный, ответственный / пассивный, ленивый»; «нормальный, свой / ненормальный», «авторитетный, достойный, благополучный / неблагополучный» и др. Какие качества характера и почему становятся устойчивыми категориями для классификации отдельных жителей — интригующий вопрос, однако я вынуждена оставить его за рамками статьи. Здесь я предлагаю сфокусироваться на классификациях, которые вызвали у меня наибольшее удивление, а именно на циркулирующих в среде управленцев представлениях о едином «характере» или «душе» всей деревни. Зачем, почему и как (вос)производятся подобные эссенциализирующие макроклассификации сельскими управленцами? Поместив в центр статьи управленческие классификации «характеров» населенных пунктов, я постараюсь проанализировать, по какому принципу сельские управленцы классифицируют подведомственные территории, каковы функции этих характерологий и что они могут сказать об особенностях сельского управления.

Бюрократия и классификации

Способы классификации — одна из популярных тем исследований бюрократии. Как пишет Дон Хандельман, идея таксономии, т.е. «присвоения имен путем контраста и сравнения»,

¹ Чтобы выполнять требования района в условиях фактически вертикальной системы муниципального управления и воздействовать на социальное пространство села и инфраструктуру, главы поселений формируют *команды*, состоящие из «своих» людей, т.е. из тех, кто готов принимать участие в управлении и с кем глава находится в доверительных отношениях. Членов этих команд, а не исключительно служащих сельских администраций, я предлагаю называть *сельскими управленцами*, подчеркивая их принадлежность к общей структуре управления. Так, в поселениях формируются депутатский корпус Сельской думы, состав участковых избирательных комиссий и добровольной народной дружины. В условиях не юридически, но фактически вертикальной системы муниципального управления члены этих органов должны признавать авторитет главы поселения, помогая служащим сельской администрации в повседневном управлении селом, а также быть лояльными политике района и просто быть, потому что того требует законодательство. В ту же «командную» систему управления входят члены Совета ветеранов, работники культуры, медицины и «активисты», каждый из которых может находиться в более или менее близких отношениях с главой, однако так или иначе встраивается в систему взаимопомощи, принимая участие в управлении.

встроена в самую идею бюрократии [Handelman 1981: 7–9]. Авторы, прицельно исследовавшие бюрократические классификации, утверждали укорененность стереотипов бюрократов в национальной культуре [Becker 1957; Handelman 1981; Herzfeld 1992] и говорили о них как об инструменте производства бюрократического безразличия и социального неравенства [Herzfeld 1992; Nisar, Masood 2020], анализировали классификации как продукт институтов, легитимирующих определенный порядок социальных отношений [Дуглас 2020 (1986)], пытались понять, в соответствии с какими именно экономическими и политическими интересами страны государственные служащие используют таксономии [Heyman 1995; Roberts 2020].

Исследователи бюрократии задавались и вопросом о том, какое значение имеют классификации клиентов для самих низовых бюрократов. К примеру, Джон Ван Маанен утверждал, что навешивание на человека ярлыка «подозрительного лица» (*suspicious person*), «придурка» (*asshole*) или «ничего не знающего» (*know nothing*) помогает американским полицейским сформировать ожидания, объяснить причину девиантности поведения и оправдать применение силы [Van Maanen 1978]. Разделяя посредством классификации мир на тех, кто «за нас», и тех, кто «против», полицейские становятся на позицию борцов с нарушителями «справедливого режима», что позволяет им ощущать собственное моральное превосходство. Согласно Ван Маанену, классификация граждан — это важная часть работы низовых бюрократов как с точки зрения техники взаимодействия лицом к лицу с незнакомыми людьми, так и в контексте понимания собственной профессиональной роли как борцов за справедливость.

Автор теории уличной бюрократии¹ Майкл Липски также проводил четкую связь между спецификой работы низовых чиновников и способами классификации, которые они создают [Lipsky 2010 (1980)]. Липски пишет, что за бюрократическим разделением клиентов на «достойных» и «менее достойных» получения услуг стоят личная симпатия или неприязнь бюрократов, соотнесение конкретного случая с общими моральными ценностями и представление о силе обратной связи. В логике Липски дифференциация клиентов уличными бюрократами объясняется необходимостью рационализировать неравное распределение ограниченных ресурсов — времени или услуг.

¹ Существуют два варианта перевода *Street-Level Bureaucracy Theory* (SLBT) — «теория уличной бюрократии» и «теория низовой бюрократии». Я предпочитаю первый, более буквальный вариант, так как второй термин, на мой взгляд, теряет важнейший для этой теории оттенок смысла — указание на непосредственную работу бюрократов с гражданами, их взаимодействие лицом к лицу (в то время как низовым бюрократам можно назвать и офисного клерка).

Служащих сельских администраций с оговорками тоже можно отнести к уличным бюрократам: подчиненные требованиям вышестоящих чиновников и зависящие от бюджета, дотируемого районом, т.е. встроенные в структуру муниципальной (а по факту государственной) власти, они лицом к лицу взаимодействуют с гражданами. При этом сельские управленцы существенно отличаются от хрестоматийных уличных бюрократов — судей, полицейских, социальных работников, врачей.

Во-первых, в отличие от героев Ван Маанена и Липски или от городских сотрудников МФЦ и миграционных служб (см., например: [Griffiths 2013]), сельские муниципальные служащие и члены их команд взаимодействуют в рабочей практике не с абстрактной массой «клиентов», которую нужно классифицировать для определения «достойных» и менее «достойных» получения услуг. Героев этой статьи я предлагаю называть не уличными, а *сельскими бюрократами*. Развивая метафору Липски, можно сказать, что их работа осуществляется не на абстрактной улице как многолюдном городском пространстве, а на хорошо известных им улочках, переулках и завалинках. Работая с жителями небольшого поселения, с которыми они знакомы в нерабочих контекстах, местные управленцы тем не менее приписывают им устойчивые качества. При этом, как мне представляется, нет достаточных оснований говорить, что именно проблема распределения ресурсов между «клиентами» (как в случаях, описанных Липски) обязывает управленцев создавать и использовать классификационные категории.

Во многом сельские бюрократы выступают в роли медиаторов во взаимодействиях жителей поселения с другими бюрократическими структурами: выдают справки, которые необходимы для обращения в иные инстанции, договариваются о записи в Пенсионный фонд, подсказывают номера телефонов и адреса организаций, содействуют в получении материальной помощи (но не сами одобряют заявки на нее) и т.д. Следовательно, основные ресурсы сельских бюрократов — это знание и время. И в условиях, когда число «клиентов» ограничено, характерных для городских бюрократов трудностей с распределением этих ресурсов между «клиентами» быть, как кажется, не должно.

Во-вторых, в русле работ Мишеля Фуко используемые агентами государства классификации — инструменты определенного режима знания — воспринимаются как форма власти, «трансформирующей субъектов в объекты» в процессе вмешательства в их жизнь, и технология безопасности, нацеленная на социальный контроль [Фуко 2006: 168; 2011: 13–50]. Однако у служащих сельских администраций нет полномочий приписывать человеку маргинальный статус безумца или преступника (хотя посред-

ством характеристик, направляемых по запросу, бюрократы и могут повлиять на присвоение этого статуса). Сам по себе вопрос, какие формы господства существуют у сельских бюрократов, нетривиален и требует дальнейшего анализа. Тем не менее с определенностью можно сказать, что в случае сельских бюрократов приписывание жителям поселения устойчивых качеств по большей части не влияет на повседневность последних. Классификации жителей поселения, насколько я могу судить, неизвестны самим классифицируемым, они высказываются всегда за глаза и циркулируют внутри рабочего коллектива. Такие классификации имеют, на мой взгляд, иную модальность — их влияние в большей степени заметно в повседневности не жителей поселения, а самих сельских бюрократов. Как именно строятся управленческие классификации деревень?

Моральная картография поселений

Сентябрьским вечером мы с Анной, главой Большовского поселения, возвращались домой, пережив эмоциональный накал выборов, закончившихся накануне. Мне удалось побывать на обоих избирательных участках поселения, в Большом и Никулино, и в один из дней глава поселения обратила мое внимание на то, как по-разному переживают выборы члены комиссий. На избирательном участке в большовской школе словно бы велась война: наблюдатели бомбардировали членов комиссий замечаниями, превращая их в «забитых котят», по очереди укрывавшихся в классе и обменивавшихся друг с другом комментариями, наполненными печалью, раздражением и горькой иронией. Источником беспокойства были не только результаты голосования, но и угроза низкой явки избирателей. В Никулино же, напротив, все было спокойно и даже празднично. Членов комиссии мы застали за накрытым столом и в хорошем настроении: явка на их участке с утра была высокой.

Тем же вечером Анна организовала для меня интервью с двумя местными женщинами-депутатами, которые, негодуя, говорили об «отчужденности» жителей Большого друг от друга, об их пассивности, отказе оказывать бесплатную помощь и участвовать в совместной деятельности — «короче, все стали чересчур деловые». Осмысляя наблюдения прошедших дней и эти слова, я спросила Анну, правда ли, что люди в Большом отчуждены друг от друга. Анна вновь вспомнила, как отличалась атмосфера на избирательных участках, за чем последовало следующее рассуждение.

Анна: *Большое — деревня как военных [которые пришли в XVIII в.] <...>. Они приехали уже все с амбициями <...> и если приходил кто-то, получается, другой, уже появлялась зависть,*

соперничество. <...> И от этого уже пошло, то есть что здесь родственники между собой не общаются там двоюродные <...>. Каждый приезжает со своим, как говорится, характером. <...> Он привык так, и то, что здесь, ему это на фиг не надо, получается.

Александра Захарова: Здесь вообще есть какой-то свой устой?

Анна: Нет устоя. <...>

А.З.: А в Никулино [деревня в составе поселения]?

Анна: В Никулино совсем другие устои. Там они намного дружнее были всегда <...>. Что-то где-то изменить или сделать — он не будет никуда бежать никуда орать. Если он хочет тут же что сделать, он выйдет, пакет <...> возьмет мусорный и будет ходить собирать мусор, чтобы прибрать, а не бить во все колокола: «А давайте убирать». А у нас в Большом это начинается, что-нибудь да это самое.

А.З.: Есть вообще люди, которые что-то делают сами?

Анна: Не-а. Ну вот в Большом нету. Вот в Заречной [деревня в составе поселения] есть. Вот они и детскую площадку там сами поставили, сделали, там отремонтировали.

Так Анна в своем ответе апеллировала к особенностям «характеров» жителей населенных пунктов. «Характер», «образ жизни», «душа» — на эти эссенциальные признаки, якобы свойственные жителям целого населенного пункта, нередко ссылаются управленцы, описывая деревни своего поселения. Вот еще один показательный пример.

[У] нас Димитрово и поселок Кузнецы <...> расположена между ними Успенка деревня <...>. И поселок Кузнецы — люди такие, активные <...> они всегда были такими и сейчас остаются, знаешь, вот такими хозяйственными, любят чистоту, порядок <...>. То есть ну такие трудяги что ли <...>. Димитрово — вроде и люди неплохие, но более конфликтные, это раз. Вторых, более ленивые <...>. У них практически там, наверное, дома три благоустроенные они. А в поселке Кузнецы — сто процентов благоустроенные, да. Ну вот то ли... от... желаний жить лучше. Вот они вообще вот кардинально отличаются. Хотя жители Димитрово вот больше требуют: «Вот дайте нам то, дайте нам это, дайте воду». А в эти населенные пункты уже воду не ведут, потому что численность малая <...>. Поселок Кузнецы — они уже давным-давно пробурили все скважины <...>. С одной стороны, вроде эти требуют, а те ничё не просят: «У нас все хорошо, у нас все прекрасно» <...>. Жители Успенки — они такие, знаете, люди, похожие на жителей Димитрово больше. Тоже вот «дайте», но сами минимум. Там даже две улицы, они тоже отличаются <...>. Вот не знаю, даже в населенный пункт заезжаешь, и это прям чувствуется вот (Екатерина, глава Марковского с/п, 2021).

Как можно заметить, населенные пункты (порой из разных сельских поселений) характеризуются посредством дихотомии. Этот принцип классифицирования социального пространства описывает Джеймс Фергюсон. Анализируя популярные в дискурсе замбийцев образы «села», предстающего моральной анти-тезой аморальному городу, антрополог говорит о *моральной географии* (*moral geography*), которую, отталкиваясь от существующей дихотомии, продвигает правительство [Ferguson 1992: 84]. Развивая метафору Фергюсона, можно сказать, что на контурной карте Замбии села и города по-разному «штрихуются»: первые изображаются как пространства щедрости, сплоченности и морали, вторые — как места конкуренции, безнравственности и эгоизма, который правительство призывает преодолевать ради деревенских жителей и всей нации (*work for nation*) [Ibid.: 81–84]. Подобным образом работают с картой поселения и сельские бюрократы. Определяя «характер» деревни, управленцы занимаются тем, что я предлагаю называть *моральной картографией*¹ — с помощью «штриховки», как на старых «моральных статистиках»² распределения ценностей (доступности образования, избирательных прав для женщин и пр.), они классифицируют различия в степени выраженности того или иного ценностно нагруженного признака у жителей конкретного участка сельского поселения.

Самым популярным классифицирующим признаком для управленцев служит готовность одних жителей самостоятельно

¹ Понятие *моральная картография* используется в географии, литературоведении и социальных науках без терминологической строгости и может обозначать близкие, но не тождественные явления. С одной стороны, оно отсылает к реально существовавшим географическим картам, в которых с помощью штриховки отображался *моральный ландшафт* территории — обусловленная представлениями доминирующей группы шкала моральных ценностей, в соответствии с которой социальное пространство делилось на «темные» территории (угнетенных групп и/или групп с отличающимися от доминирующих ценностями) и «светлые», морально превосходящие территории (см., например: [Friendly, Palsky 2007; Dando 2010]). Позже представление о влиянии ценностей картографа на карту стало общим местом в социальной географии, а затем и в других социальных науках, в которых карта сама по себе начала рассматриваться как культурный текст, отражающий отношения власти (см., например: [Harley 1988; Campbell, Shapiro 1999]). Возникла идея, что картография априори связана с иерархизацией и стандартизацией ландшафта и что «за большинством карт стоит покровитель» [Winlow 2006: 122]. Наконец, *картография* может быть метафорой приписывания ценностных значений пространству — литературному образу страны [Cronin 2012] или реально существующему городу, в котором определенные участки воспринимаются как «рассадники порока», взращивающие будущих преступников [Driver 1988; Fleury-Steiner et al. 2009]. В целом картография выступает в качестве синонима типологии, обусловленной в том числе пространственными характеристиками, практикой управления через разграничение инаковости [Brown 2011]. Кроме того, существуют и омонимичные понятия, менее релевантные моему случаю. Например, *моральной картографией* могут называться интериоризованная схема ценностей, существующая в форме режимов оправдания справедливости, т.е. морально-оценочных принципов (автор опирается на идеи Люка Болтански и Лорана Тевено) [Tuesta 2021], приписывание этических значений самому картографированию времени и пространства [Bauly 2013], морализаторская попытка навязать собственные ценности другим территориям [Shweder 2017] и др.

² См. подробнее: [Friendly, Palsky 2007; Dando 2010].

заниматься благоустройством и решением проблем («активность», «хозяйственность», «трудолюбие», «дружность») в противовес «требовательности» («конфликтности», «лени») других (часто характеризующихся негативно маркируемым словом «потребители», очень важным в дискурсе управленцев). Помимо этого, сельским бюрократам бывает нужно определить «образ жизни» в населенном пункте — более или менее «сельский»¹, что может быть обусловлено, например, степенью сплоченности и взаимного участия в жизни друг друга или занятиями, выбираемой одеждой для выхода в публичное место и вкусами сельчан, как в следующей цитате.

[Т]о есть, грубо говоря, «сельхоз зона» — «зона отдыха» <...>. Те, кто, допустим, живет, как сказать, в «зоне отдыха» <...> в магазин там или куда пойдут — культурненько оденутся, да? А если взять, допустим, тех же в Красной жителей, они, допустим, грубо говоря, в чем управился, в том ну и до магазина добежал, потому что времени сильно нет переодеться, раз-раз сбегал <...>. Даже на общении [сказывается]. Вот в Красной — это больше любят вот такие песни народные, под гармонь, допустим, вот они любят... ну народные инструменты, такое народное направление больше любят (Матвей, глава Холминского с/п, 2021).

Картографируя социальное пространство села, сельские бюрократы оценивают жителей как потенциальных «клиентов» администрации и пытаются объяснить, почему «образы жизни» в деревнях отличаются. Как в приведенном ранее описании Анны, особенности образа жизни часто объясняются со ссылкой на воображаемую историю села. К примеру, жителей одной деревни глава Марковского поселения охарактеризовала как основательных и умных, потому что их предки — украинцы, а о жителях другого населенного пункта отозвалась как о любящих чистоту и порядок, потому что «очень много было немцев». Тот же принцип классификации на основании мифологизированной этнической принадлежности жителей использовал и глава Приозерского поселения, находя причины аккуратности, красоты и трудолюбия односельчан в том, что их предки (как и его собственные) «пришли из Витебской губернии».

Другой фактор, обуславливающий выбор способа штриховки территории, — это миграции, создавшие в дискурсе павловских управленцев оппозицию «черного и белого». Для сельских бюрократов имеет значение, какая в каждом населенном пункте

¹ На восприятие места как более «сельского» или «цивилизованного» влияют в том числе расстояние до города и инфраструктура в населенном пункте, однако эта тема заслуживает отдельного внимания.

доля «местных» относительно «приезжих»¹. Если первых значительно больше, то новых жителей получается «переучивать», тем самым сохраняя общий «характер» села: «приезжие» под влиянием общей «атмосферы» начинают следить за чистотой или устраиваются на работу и перестают злоупотреблять алкоголем, так как в селе «не заведена пьянка и болтание».

В восприятии управленцев «приезжие», выходя за пределы осязаемого меньшинства, привносят негативные изменения в социальное пространство села. Через два года после своего обзора территории Анна уточнила, что в Никулино люди уже не такие дружные, как раньше, потому что местных, в отличие от приезжих, становится меньше. Приезжие словно сопротивляются образу сельской сплоченности, разрушая «общий сельский менталитет», под которым среди прочего подразумевается готовность к взаимопомощи и участию в совместной деятельности.

Наталья: *Были случаи, что у нас умирали безродные <...> и соседи собирали деньги на все на это <...>. [День села] самый любимый праздник у нас в селе <...> столько людей приходит! <...> И в плане помощи. В деревне все равно это, менталитет деревенский <...> сельский все равно сохраняется.*

А.З.: *Почему где-то стали жить разобщеннее?*

Наталья: *А если, знаете, если приезжих много* (Наталья, глава Старицкого с/п, 2021).

Однако принадлежит ли идея классификации «характеров» деревень исключительно низовым бюрократам? Конечно, большую роль здесь играет вписанность сельских управленцев в местный социальный порядок. Манера наделять жителей разных деревень презумпцией специфичности в целом характерна для сельчан, что известно исследователям среди прочего на примере локально-групповых прозвищ и песен о соседних селах². Действительно, и в Павлово, и в Большом населенные

¹ «Приезжими» могут считаться как переехавшие пару лет назад люди, так и живущие в селе сорок лет, как устроенные на работу и «положительные», так и «неблагополучные», как активно участвующие в совместной коллективной деятельности (самодеятельности, управлении), так и нет. Вероятно, переехавший человек может оставаться «приезжим», пока в населенном пункте есть значительное число «более местных» относительно него людей (родившихся / выросших здесь). Однако данная тема не может быть раскрыта в небольшой статье.

² Как отмечает Наталья Дранникова, анализируя архангельский материал, в основу коллективных прозвищ ложится одна отличительная черта сообщества (обусловленная особенностями внешности, этничности, географических особенностей и др.), к которой чаще с негативной оценкой отсылают в контекстах взаимодействия (перед драками, на посиделках и праздниках) люди, для этого сообщества внешние [Дранникова 2004]. Наравне с этим существуют и коллективные прозвища, адресованные своему сообществу, стилистически не сниженные. Они преследуют ту же цель, что и «внешние» — отделить свое сообщество от другого. Эту функцию размежевания микрогрупп выполняют и песни о жителях соседних деревень, которым приписывается общий (чаще всего отрицательный) коллективный признак [Там же: 135–206].

пункты в интервью классифицируют разные жители, отмечая достоинства внешности своих односельчан и указывая на общую атмосферу в селе, как это делает, к примеру, Марина, продавец в павловском магазине: «В Павлово, в отличие от Ильинки, люди дружные, мягкие. Говорили даже в [соседнем поселении], что в Павлово самые красивые девчонки. Хотя здесь все приезжие, мало кто родился в Павлово, все дружные. <...> видимо, чем больше разных национальностей, тем дружнее — нечего делить».

Зачастую имеющие опыт миграции жители обоих поселений в разговоре со мной сравнивали населенные пункты, как и управленцы, связывая сплоченность / разобщенность односельчан с числом приезжих и близостью к городу. А одна из самых пожилых жительниц (1932 г.р.) сослалась при классификации на географию переселения.

Они [в Павлово] гроденские были. <...> ну как украинцы они считаются, наверное. <...> Вот они были из Грозно [Гродно], а там [в деревне, где С.В. жила до 12 лет] все «смоляры» [переселенцы из Смоленска]. Мы даже когда приехали сюда с мамой <...> нас даже здесь «смолярами» звали эти гроденские [смеется] (Степанида Васильевна, жительница Павлово, 2021).

Однако жители часто высказывали и кардинально отличающуюся от управленческой точку зрения: «Деревни сейчас все одинаковые. Совхозы, колхозы пораспадались, люди разъезжаются, везде так»; «Люди везде одинаковые в деревне — балаболы, сплетни». Подобные рассуждения, как кажется, невозможно услышать в беседе с сельскими управленцами. Работая с людьми из разных населенных пунктов, они предсказуемо уделяют больше внимания различиям между их жителями.

При этом способы классификации населенных пунктов могут различаться, например, у служащих сельской администрации и работников культуры. Тогда как сотрудники Павловской администрации сравнивают павловчан и ильинских по признакам «местные / приезжие», «простые, хорошие / сложные, нехорошие», заведующая в 2022 г. клубом и библиотекой Виктория и заведующая спортклубом Жанна подчеркивают мешающую их работе (попыткам привлечь людей к участию в концертах и спортивных соревнованиях, к посещению репетиций и занятиям спортом) «пассивность» павловчан в противовес «активности» жителей Ильинки.

И здесь я предлагаю задаться вопросом, почему характерология населенных пунктов создается сельскими бюрократами с особым вниманием к тому, насколько деятельны и самостоятельны их жители? По словам Майкла Липски, «бюрократы

уличного уровня будут проводить различия между клиентами по причинам, имеющим большее отношение к решению проблем, связанных с работой» [Lipsky 2010: 107]. Какую проблему решают сельские бюрократы, классифицируя разные «характеры» деревень?

Зависимость от непредвиденного

Общим местом в работах об уличных бюрократах является тезис о неопределенности, характерной для рабочей повседневности низовых чиновников и обусловленной «сложностью предмета (людей) и частотой или скоростью, с которой приходится принимать решения» [Lipsky 2010: 29] (см. также: [Stalcup 2015]). Однако о какой неопределенности может идти речь, если сельские чиновники работают со знакомыми им людьми, а не с большим потоком различных «клиентов»?

Ответ на этот вопрос следует искать в специфике работы сельских муниципальных служащих, чьи обязанности формально сводятся к решению проблем «местного значения» [Федеральный закон 2003: гл. 3, ст. 14]. На практике это означает, что работа служащих сельских администраций ориентирована на задачу (*task-oriented*) [Thompson 1967]. Несмотря на то что сельские муниципальные служащие являются наемными работниками и, в терминах Эдварда Томпсона, их труд ориентирован на время (на что указывает и прикрепленный в администрации почасовой график работы с 8:00 до 16:00), фактическое время¹ их работы зависит от объема и срочности задач на конкретный день. В этом смысле сельские управленцы могут быть сопоставлены с врачами, полицейскими и сотрудниками МЧС, которые имеют дело с внезапно возникающими проблемами клиентов и чрезвычайными ситуациями, и поэтому их работа предсказуемо непредсказуема.

Возможно, степень неопределенности в повседневности сельских управленцев даже выше, так как их деятельность складывается из решений самых разных социально ориентированных задач. Занимающие промежуточную позицию между «районом» и «населением» сельские бюрократы должны как реагировать на обращения односельчан, так и отвечать на требования районных органов управления, при этом находясь в условиях перманентного дефицита бюджетных средств и не обладая автономией от районного начальства². Как с сожалением сказала

¹ Затронутой здесь мельком теме ощущения времени сельскими бюрократами и взаимодействию с ним я надеюсь посвятить отдельную работу.

² Об этой особенности сельского муниципального управления см., например: [Никулин 2015] и другие статьи сборника под редакцией Д.М. Рогозина [Рогозин 2015].

ведущий специалист павловской администрации Валерия, ее работа по запросам из «района» «все время новая»: такую работу «не знаешь, как делать». Задачи, которые ставят перед служащим администрации жители поселения, также ожидаемо непредсказуемы. Поддерживающие свой социальный капитал (устойчивую сеть отношений взаимного знакомства и признания, основанную на членстве в группе [Бурдые 2014: 305]) и поэтому испытывающие на себе его влияние, сельские управленцы исполняют роли советников по бюрократическим и личным вопросам, судей и миротворцев в конфликтах, воспитателей и в целом людей, ответственных за благополучие социального пространства. Следовательно, служащие администрации оказываются в ситуации, когда потенциальный объем их рабочих задач невозможно рассчитать однозначно — в любой момент он может быть расширен неожиданной просьбой провести воспитательную беседу с непослушной дочерью-подростком, разрешить спор соседей или спилить старый тополь.

Таким образом, в реальности управленческая позиция на селе во многом связана с зависимостью и подневольностью. Как сказал один из жителей Большого, предприниматель Игорь, «глава поселения — это человек, назначенный за что-то отвечать, всегда готовый крайний». Рабочая повседневность сельских бюрократов (а следовательно, и в целом повседневность, поскольку граница между рабочим и нерабочим временем зыбка и проницаема) полностью зависит от запросов, точный состав которых даже на текущий день заранее неизвестен. Вслед за Элизабет Купер и Дэвидом Праттеном понимая неопределенность как структуру чувств — «пережитый опыт всепроникающего чувства уязвимости, тревоги, надежды и возможности» [Cooper, Pratten 2015: 1], можно сказать, что зависимые в своей рабочей практике от других людей сельские управленцы испытывают чувство, которое исследователи называют *social contingency*.

Contingency — это один из видов переживаемой неопределенности, связанный с ощущением собственного настоящего и будущего как наполненных непредвиденными обстоятельствами и зависимых от социальных отношений [Cooper, Pratten 2015: 3–5]. Я предлагаю переводить¹ это слово как «зависимость от непредвиденного». О таком виде неопределенности пишут, например, Сюзан Уайт и Годдфри Сиу, которые отмечают, что

¹ Существует также буквальный вариант перевода этого слова с английского и французского на русский — «контингентность» в значении, например, «знание о возможности-быть-иной какой-либо вещи в этом мире» [Мейясу 2015: 53]. «Контингентность онтологий» Курта Хьюбнера — неопределенность и произвольность онтологий, которые в то же время зависят от принятых в прошлом решений [Сафронов 2022: 389] и др. Однако, чтобы избежать сложного термина из философского дискурса, я предлагаю более семантически прозрачный перевод — «зависимость от непредвиденного», отражающий оттенок смысла, наиболее релевантный исследуемому мною случаю.

жизнь угандийцев с переменным доступом к ретровирусной терапии проникнута «этосом зависимости от непредвиденного» (*an ethos of contingency*) и озабоченностью поиском и поддержанием потенциально полезных социальных связей [Whyte, Siu 2015: 27–29]. Понимая жизненное благополучие как зависящее от других людей, ВИЧ-положительные угандийцы постоянно бдительно отслеживают возможности, которые таят в себе социальные отношения — «быть зависимым от непредвиденного значит быть связанным с чем-то» (*to be contingent is to be related*) [Ibid.: 19, 28–29].

Наблюдения Уайт и Сиу кажутся мне ценными в контексте разговора о повседневности сельских бюрократов. Схожим образом последние воспринимают жизнь как личную зависимость от людей и событий, которые невозможно предвидеть: в ответ на вопрос о планах на завтра Ира по пути из администрации домой отвечает: «Я решаю проблемы по мере их поступления. Сегодня нет проблемы, завтра появится — буду решать». Глава большовской администрации тоже нередко прибегает к этому принципу, в начале дня она часто с тревогой задается вопросом «что день грядущий нам готовит?». Уайт и Сиу отмечают, что «[н]епредвиденность означает неопределенность в отношении того, что либо произойдет, либо нет, но она придает неопределенности конкретность и побуждает нас принимать во внимание связи» [Whyte, Siu 2015: 19]. Эти связи могут приблизить ситуацию неопределенности к большей уверенности [Ibid.: 20]. Поставленное в центр этой статьи классифицирование, как мне представляется, и служит свидетельством этих постоянно участвующих связей.

Характерология сельских бюрократов, таким образом, порождается зависимостью их позиции, а не неопределенностью как отсутствием знания вкупе с дефицитом времени и/или распределяемого ресурса, как это происходит у (городских) бюрократов, работающих с большим потоком клиентов и/или с незнакомыми людьми. Расчерчивая социальное пространство и выявляя «характеры» населенных пунктов, сельские управленцы создают более предсказуемый ландшафт задач, устанавливая, жители какого населенного пункта с большей вероятностью адресуют им тот или иной запрос. Таким образом, классифицируя жителей населенного пункта как «простых» или «сложных», сельские управленцы определяют, насколько проблемным он является для их работы, и тем самым делают зависимость от непредвиденного, сопровождающую их рабочую практику, более безопасной.

Подчеркну, что во всех управленческих характерологиях, согласно моим наблюдениям, неизменно преобладает принцип

классификации населенных пунктов по степени требовательности жителей к управленцу. Готовность жителей действовать самостоятельно или хотя бы не противодействовать бюрократам посредством претензий и скандалов облегчает работу чиновников, освобождая их от новых задач. Характеризуя деревню как более «дружную» и «трудолюбивую» или наоборот, сельские управленцы формируют ожидания, с какой стороны им скорее всего будет поступать больше запросов, а в отношении какого населенного пункта можно чувствовать себя более спокойно.

Схожей цели служит классификация жителей населенных пунктов по принципу «простые / сложные». Посредством этих категорий сельские бюрократы определяют, могут ли они рассчитывать на помощь жителей конкретной деревни. Так, еще до поездки в Павлово меня заинтриговала характеристика этого поселения, сделанная Анной, главой Большовского поселения, в период еженедельных отчетов по поводу вакцинации жителей от COVID-19: «Они живут своим мирком, в интернете так не сидят, как здесь. Поэтому и прививаются. У нас же вся крутизна, все везде ездят, все всё знают [поэтому многие отказываются делать прививку. — А.З.]». Позже в Павлово глава поселения и сотрудницы фельдшерско-акушерского пункта подтвердили, что показатели вакцинации здесь действительно были больше девяноста процентов, так как местные медики обладают авторитетом благодаря долгой работе в селе и совместному опыту («дети вместе выросли»), а также потому, что в целом поселение «очень дружное»: «[И]м говоришь о последствиях <...> они приходят прививаются».

Чтобы продемонстрировать, как на практике осмысляется различие между «простым» и «сложным» характером деревни и как эти категории влияют на управленческие решения служащих администраций, приведу следующий пример. Во время моей полевой работы сначала в Павлово, а неделей позже в Ильинке проходило перезаключение договоров на газ. Это мероприятие не отражалось на формальных показателях работы администрации, но глава поселения Надежда была заинтересована¹ в том, чтобы договор перезаключили как можно больше людей, так как, по ее словам, только здесь она как представитель местной власти могла содействовать облегчению этой бюрократической процедуры (подготовить справки, решить проблемы с документами и попытаться договориться с газовиками в затруднительных ситуациях), тогда как в административном центре (куда

¹ Как я предполагаю, заинтересованность главы в этом мероприятии была обусловлена, в частности, тем, что таким образом демонстрируется «работа» администрации (служащие часто сетуют на адресуемые им жителями упреки в том, что они «не работают»). Демонстрация «работы» положительно сказалась бы на символическом капитале чиновников.

к тому же долго и дорого ехать) люди без необходимых документов получили бы отказ.

Надежда заранее обзвонила жителей Павлово, фамилии которых были в предоставленных газовиками списках на перезаключение, и специально не вешала объявление, «чтобы не пришли все подряд». Тем не менее люди, чьих имен не было в списке, приходили в администрацию тоже, а те, чьи имена в списках были, не раз являлись раньше назначенного срока. Наконец в день перезаключения договоров с самого утра в администрации образовалась очередь, как и предсказывала глава, с удовлетворением отмечавшая ранее (как и другие местные управленцы): «[Л]юди у нас ответственные, их зазывать особо не надо».

Жителей Ильинки глава, напротив, не только обзванивала, но и отправляла им с почтальоном печатные напоминания о дате перезаключения договоров и необходимых документах. Однако в назначенное время в ильинском клубе, где разместились газовики, было всего несколько человек, и Надежде пришлось послать водителя Тимура объехать дома всех, кто был в списках. В итоге пришло еще несколько забывчивых человек, но далеко не все приглашенные. Как прокомментировала Ира, выслушав мой рассказ о поездке в Ильинку, «вот людям привозишь [газовиков], а они потом недовольны, потом будут жаловаться».

Так знание «сложного» характера ильинцев и «простого» характера «ответственных» павловчан позволило служащим администрации не только эффективнее организовать работу, но и сформировать ожидания и выработать способ оправдания управленческих успехов и неудач со ссылкой на особенности «характера» жителей.

Умение классифицировать как знание «хозяина территории»

Итак, противостоя зависимости от непредвиденного и стремясь выполнить рабочие задачи, сельские управленцы активно обращаются как к индивидуальным, так и к групповым характеристикам жителей поселения. При этом классификации не имплицитны, они часто проговариваются членами управленческих команд в соответствии с принятой у них культурой обсуждения каждого запроса и событий, происходящих в селе. Сельские бюрократы используют устойчивые категории, описывающие отдельных жителей или населенный пункт в целом, когда обсуждают между собой жителей после взаимодействия с ними (объясняя причину их слов и поведения) или пытаются

предсказать возможное развитие событий еще до взаимодействия, например говоря «щас буду выслушивать [претензии], если они сюда идут» или планируя позвонить жительнице в определенное время, потому что «ильинские спят до обеда». Тем самым низовые управленцы, во-первых, рационализируют в рабочих беседах успехи и неудачи коммуникации с жителями, укореняя их причины в эссенциальных характерах, и, во-вторых, формируют ожидания, противостоя непредвиденному.

Мне представляется значимым, что помимо отдельных реплик, сопровождавших рабочую повседневность, сельские управленцы часто обращались к описанию социальных различий между деревнями в беседах со мной — человеком для села посторонним. И они, и другие жители неизменно подчеркивали, что одна из главных особенностей жизни в селе — «знание всех»: «[Н]у все равно же мы в деревне живем, все равно всех знаем». Умение классифицировать отдельных жителей поселения и населенные пункты на его территории свидетельствует о наличии такого знания, дает возможность служащим администрации и членам их команд продемонстрировать и закрепить свой статус сельских управленцев. Подтверждением этой мысли, на мой взгляд, служит и тот факт, что, рассказывая о работе в сельской администрации, фельдшерско-акушерском пункте или сельском клубе, мои собеседники часто сами, без наводящих вопросов переходили к сравнению «характеров» деревень. Важную роль здесь играет, как я предполагаю, идея ответственности за пространство, разделяемая управленцами, особенно главами поселений. Как сформулировала Надежда, «два населенных пункта, и я же за каждого из них отвечаю, начиная с рождения и заканчивая пока его не увезут на погост. <...> Вот если пожары, я спать не могу <...>. Я знаю, кто пьющий, я знаю <...> за кем можно посмотреть. <...> Я это все знаю, я реально ощущаю за каждого ответственность». В этой системе представлений глава поселения выступает в роли «хозяйки территории», как несколько раз объясняли мне управленцы и другие жители Павлово и Большого.

Дуглас Роджерс, изучавший на примере села в Пермском крае особенности постсоветского управления, отметил, что неотъемлемый его элемент — «быть хозяином» [Rogers 2006: 917]. Под «хозяевами» Роджерс в первую очередь понимал глав местных предприятий, способных посредством неформальных обменов и допущения мелких краж объединять людей в моральные сообщества. Задаваясь вопросом, является ли местная администрация хозяйством, антрополог пришел к выводу, что поскольку у органов муниципальной власти нет ресурсов, часть которых можно украсть, и развита культура аудита (постоянные отчеты и проверки), то создание морального сообщества

чиновников с жителями посредством неформальных договоренностей затруднено. Эта особенность мешает тому, чтобы за муниципальными служащими закрепился статус «хозяев».

Этот вывод во многом резонирует с репликой Елены, работавшей в Большом специалистом по воинскому учету: «Как глава — хозяйка территории. На самом деле прав-то никаких мы не имеем. Чисто как посредник между людьми и районом. Они [районная администрация] насаждают на нее [главу поселения] — она спрашивает с нас [служащих администрации]. А что-то получилось не так — “сами разбирайтесь” [слова районных чиновников]». У сельских жителей и служащих администрации существует идея главы как «хозяйки», однако ее воплощению, по словам специалиста, мешают отсутствие у сельской администрации реальных административных полномочий и материальных ресурсов. Эта институционально обусловленная уязвимость положения управленцев и даже их беспомощность (особенно заметная на контрасте с позицией директора сельскохозяйственного предприятия в Большом, обладающего реальными материальными ресурсами) регулярно подчеркивается служащими администрации, сетующими на то, что они «пешки» в политической игре и «всем должны». Поэтому, на мой взгляд, управленцам и важно посредством классификаций продемонстрировать знание территории. Тем самым сельские бюрократы как бы напоминают самим себе о своем статусе «хозяев», даже если на практике они часто не имеют средств для того, чтобы вести себя в полной мере «по-хозяйски». Как объяснила мне глава Большого, «хочу спилить [деревья], а тут не могу, там не могу. Не в моих полномочиях [и нет средств в бюджете]. На территории школы не могу. Потому что у них есть свой хозяин [заведующий и директор, находящийся в школе другого поселения, так как в Большом — ее филиал]».

В Большом я обратила внимание, что при обсуждении курьезов моих телефонных разговоров с жителями, которых я обзванивала, приглашая прийти на выборы, Анна всегда пыталась угадать, с кем именно я говорила. Так как используемая мною программа предоставляла информацию только о годе рождения и имени-отчестве избирателей с первой буквой фамилии и к тому же я часто запоминала ее не точно, я могла определить по голосу и сообщить главе пол и примерный возраст своих собеседников, а также пересказывала отдельные реплики. Анну увлекала эта игра на узнавание. В очередной раз придя к верному, по ее мнению, ответу, она со смехом прокомментировала: «Как бы вы ни скрывались [под инициалами], я вас все равно всех знаю».

Этот эпизод иллюстрирует, что подчеркиваемое всеми сельчанами «знание всех» — это не только социальный капитал,

доступный всем сельским жителям, но и, в случае низовых бюрократов, культурный капитал — инкорпорированный «продукт накопленного труда» по аккумуляции знаний о жителях, «внешнее богатство, превращенное в неотъемлемую часть личности», приобретаемый уровень «образованности» [Бурдые 2014: 299]. Возможность классифицировать и определять якобы преваляющие качества характера жителей, следовательно, предстает важной частью управленческой компетенции.

Как-то в очередной раз размышляя о смене работы, Анна сказала: «Хочется что-нибудь поспокойней — не отвечать ни за коров, ни за собак, ни за детей, ни за какую херотень». Из этой и приведенных выше реплик управленцев следует, что в их восприятие собственной роли имплицитно включена идея хозяйствования — не экономического, связанного с возможностью предоставления ресурсов (как его понимал Роджерс), но подразумевающего идеи об ответственности и знании всех, важные для представлений о сельском социальном порядке. Исследуемые в статье классификации перформативно возвращают сельским управленцам их статус «хозяев территории», все более размывающийся ввиду снижения автономии сельских поселений (см. об этом, например: [Шелудков и др. 2016: 146–149]).

Таким образом, классификации «характеров» деревень имеют большое значение для восприятия управленцами собственной позиции. Знание всех и демонстрируемая без наводящих вопросов способность классифицировать жителей разных населенных пунктов, тем самым создавая моральную карту территории, суть отголосок управленческой способности представлять «подвластную» территорию. Этот навык необходим не только для осуществления управления, но и для того, чтобы буквально быть управленцем.

Заключение

Общим местом в социальных исследованиях профессий стало представление о вырабатывающихся внутри профессионального сообщества «особых», «своих» (экспертных или внутренних) знаниях (см., например, обзор: [Романов, Ярская-Смирнова 2009]). В рассмотренных мною случаях морального картографирования поселений «особое» знание также оказывается важным атрибутом профессиональной деятельности управленцев, однако это знание («знание всех») не совсем или даже вовсе не эксклюзивно бюрократическое. «Знание всех» в той или иной степени разделяется всеми сельскими жителями, сосуществующими в пределах небольшого и более или менее изолированного пространства, и является одним из важнейших составляющих сельского социального порядка. Однако знание главы поселения, сельского

социального работника или специалиста администрации должно представлять собой «квинтэссенцию» общего сельского знания, его предельную форму, доказательством чему и служат среди прочего управленческие классификации деревень.

Быть сельским бюрократам, по словам всех моих собеседников-управленцев, сложнее, чем быть бюрократам в городе. Это обусловлено по большей части требованиями всеобъемлющего знания, которые предъявляют сельским муниципальным служащим как районные чиновники, запрашивающие юридически правильные документы и различную информацию о населении, так и односельчане, желающие узнать самые разные номера телефонов или уточнить детали местных событий. «Казалось бы, зачем звонить мне, да? А я откуда знаю? Я же отвечать всем тоже не буду: откуда я знаю, где чё», — сетует Анна после очередного звонка о дате похорон односельчанина. «Я не юрист, а они [в районных органах управления] сидят там, каждый своим делом занимается, а от нас хотят, чтобы мы всё знали. Делают из нас каких-то вундеркиндов», — комментирует Надежда запрос из «района». Подобные примеры недовольства бюрократам по поводу завышенных требований к их осведомленности нередки. Тем не менее, как я попыталась показать в статье, всеобъемлющее знание — не всего, но всех — необходимо сельским управленцам.

Это знание, проявляющееся в умении определять характеры не только отдельных жителей, но и целых населенных пунктов, используется в работе, позволяя низовым бюрократам решить ту или иную задачу, сформировать ожидания и оправдать управленческие успехи или неудачи, т.е. адаптироваться к характерной для их работы предсказуемой неопределенности. Однако картография характеров жителей — это не только управленческий инструмент, позволяющий бюрократам делать правильные ходы в шахматной партии. Само по себе проговаривание характеристик, перформативное нанесение на контурную карту поселения разных штриховок и условных обозначений имеет важную функцию.

Посредством моральной картографии пространства сельские управленцы как бы доводят доступное в той или иной степени каждому сельчанину знание всех до предельной формы, какой должен обладать настоящий «хозяин территории». Будучи низовыми чиновниками в централизованной системе управления, зависящими от непредвиденности социального, сельские бюрократы воспринимают свою позицию как уязвимую и лишённую реальных полномочий. Однако, картографируя социальное пространство, т.е. создавая иерархизированный в соответствии с собственными ценностями образ территории, они совершают

властное действие. Моральное картографирование поселения позволяет служащим сельской администрации и членам их команд продемонстрировать в коллективе и перед самими собой управленческий культурный капитал, т.е. исчерпывающее знание всех. Я предполагаю, что классификации «характеров» деревень тем самым позволяют сельским бююкратам утвердить свой статус «хозяев земли», повлиять на восприятие своей роли. Так, создавая моральную карту населенных пунктов, сельские бююкраты утверждают свой статус сельских жителей и авторитетных управленцев.

Благодарности

Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00238 «Земля храбрых»: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике» <<https://rscf.ru/project/22-18-00238/>>.

За внимательное чтение, вдохновляющее обсуждение и комментарии, которые я постаралась, насколько смогла, учесть при работе над текстом, я благодарю коллег из Европейского университета и участников «Антропологического кружка» под руководством Н.В. Ссорина-Чайкова (НИУ ВШЭ СПб.).

Источники

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021).

Библиография

- Бурдье П.* Формы капитала // Радаев В.В., Юдин Г.Б. (сост., науч. ред.). Классика новой экономической социологии / Пер. с англ. и фр. М.: ИД ВШЭ, 2014. С. 293–315.
- Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Поморский университет, 2004. 432 с.
- Дуглас М.* Как мыслят институты / Пер. с англ. А. Корбута. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.
- Мейясу К.* После конечности: эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Никулин А.М.* Между государством и гражданами: особенности мировоззрения муниципальных служащих Архангельской области // Рогозин Д.М. (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015. С. 228–250.
- Рогозин Д.М.* (ред.). Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: Ин-т социологии РАН, 2015. 316 с.

- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
- Сафонов А.В. Контингентна ли контингентность: некоторые комментарии в связи с рецензией А.В. Маркова на книгу «Каузальный дуализм» // Философия: журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 1. С. 387–401. doi: 10.17323/2587-8719-2022-1-387-401.
- Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. / Пер. с франц. Б.М. Скуратова; общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 161–190.
- Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
- Шелудков А.В., Рассказов С.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть. М.: Страна Оз, 2016. 184 с.
- Bayly S. Mapping Time, Living Space: The Moral Cartography of Renovation in Late-Socialist Vietnam // The Cambridge Journal of Anthropology. 2013. Vol. 31. No. 2. P. 60–84. doi: 10.3167/ca.2013.310204.
- Becker H.S. Social Class and Teacher-Pupil Relationships // Carr E.R., Mercer B.E. (eds.). Education and the Social Order. N.Y.: Rinehart & Co., 1957. P. 273–285.
- Brown E. The “Unchildlike Child”: Making and Marking the Child / Adult Divide in the Juvenile Court // Children’s Geographies. 2011. Vol. 9. No. 3–4. P. 361–377. doi: 10.1080/14733285.2011.590716.
- Campbell D., Shapiro M.J. (eds.). Moral Spaces: Rethinking Ethics and World Politics. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1999. 268 p.
- Cooper E., Pratten D. Ethnographies of Uncertainty in Africa: An Introduction // Cooper E., Pratten D. (eds.). Ethnographies of Uncertainty in Africa. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–16. doi: 10.1057/9781137350831_1.
- Cronin M.G. Fantastic Longings: The Moral Cartography of Kate O’Brien’s *Mary Lavelle* // Huber W., Mayer S., Novak J. (eds.). Ireland in/and Europe: Cross-Currents and Exchanges. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2012. P. 105–116. (Irish Studies in Europe. Vol. 4).
- Dando C.E. “The Map Proves It”: Map Use by the American Woman Suffrage Movement // Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization. 2010. Vol. 45. No. 4. P. 221–240. doi: 10.3138/carto.45.4.221.
- Driver F. Moral Geographies: Social Science and the Urban Environment in Mid-Nineteenth Century England // Transactions of the Institute of British Geographers. 1988. Vol. 13. No. 3. P. 275–287. doi: 10.2307/622991.
- Ferguson J. The Country and the City on the Copperbelt // Cultural Anthropology. 1992. Vol. 7. No. 1. P. 80–92.
- Fleury-Steiner B.D., Dunn K., Fleury-Steiner R. Governing through Crime as Commonsense Racism: Race, Space, and Death Penalty “Reform” in Delaware // Punishment & Society. 2009. Vol. 11. No. 1. P. 5–24. doi: 10.1177/1462474508098130.

- Friendly M., Palsky G.* Visualizing Nature and Society // Akerman J., Karrow R. (eds.). *Maps: Finding Our Place in the World*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2007. P. 207–253.
- Griffiths M.* Living with Uncertainty: Indefinite Immigration Detention // *Journal of Legal Anthropology*. 2013. Vol. 1. No. 3. P. 263–286. doi: 10.3167/jla.2013.010301.
- Handelman D.* Introduction: The Idea of Bureaucratic Organization // *Social Analysis*. 1981. No. 9. P. 5–23.
- Harley B.J.* Maps, Knowledge and Power // Cosgrove D., Daniels S. (eds.). *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design, and Use of Past Environments*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 277–312.
- Herzfeld M.* The Social Production of Indifference: Exploring the Symbolic Roots of Western Bureaucracy. Chicago, IL; L.: The University of Chicago Press, 1992. 209 p.
- Heyman J.McC.* Putting Power in the Anthropology of Bureaucracy // *Current Anthropology*. 1995. Vol. 36. No. 2. P. 261–287. doi: 10.1086/204354.
- Lipsky M.* *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2010. XXIII+275 p.
- Nisar M.A., Masood A.* Dealing with Disgust: Street-Level Bureaucrats as Agents of Kafkaesque Bureaucracy // *Organization*. 2020. Vol. 27. No. 6. P. 882–899. doi: 10.1177/1350508419883382.
- Roberts S.E.* The Bureaucratic and Political Work of Immigration Classifications: An Analysis of the Temporary Foreign Workers Program and Access to Settlement Services in Canada // *Journal of International Migration and Integration*. 2020. Vol. 21. No. 3. P. 973–992. doi: 10.1007/s12134-019-00693-w.
- Rogers D.* How to Be a *Khoziain* in a Transforming State: State Formation and the Ethics of Governance in Post-Soviet Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 2006. Vol. 48. No. 4. P. 915–945. doi: 10.1017/S001041750600034X.
- Shweder R.A.* The Risky Cartography of Drawing Moral Maps: With Special Reference to Economic Inequality and Sex Selective Abortion // Casaniti J.L., Menon U. (eds.). *Universalism without Uniformity: Explorations in Mind and Culture*. Chicago, IL; L.: The University of Chicago Press, 2017. P. 280–305. doi: 10.7208/chicago/9780226501710.003.0016.
- Stalcup M.* Policing Uncertainty: On Suspicious Activity Reporting // Samimi-Darash L., Rabinow P. (eds.). *Modes of Uncertainty: Anthropological Cases*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015. P. 69–87.
- Thompson E.P.* Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism // *Past & Present*. 1967. No. 38. P. 56–97.
- Tuesta D.* Rethinking Prosecutorial Discretion: Towards a Moral Cartography of Prosecutors // *The British Journal of Criminology*. 2021. Vol. 61. No. 6. P. 1486–1502. doi: 10.1093/bjc/azab040.
- Van Maanen J.* The Asshole // Manning P.K., Van Maanen J. (eds.). *Policing: A View from the Street*. N.Y.: Random House, 1978. P. 307–328.
- Whyte S.R., Siu G.E.* Contingency: Interpersonal and Historical Dependencies in HIV Care // Cooper E., Pratten D. (eds.). *Ethnographies*

of Uncertainty in Africa. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 19–36.
doi: 10.1057/9781137350831_2.

Winlow H. Mapping Moral Geographies: W.Z. Ripley's Races of Europe and the United States // Annals of the Association of American Geographers. 2006. Vol. 96. No. 1. P. 119–141. doi: 10.1111/j.1467-8306.2006.00502.x.

Moral Cartography: Classifications of Village Residents in the Everyday Life of Rural Bureaucrats

Aleksandra Zakharova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
azakharova@eu.spb.ru

The article analyzes the classifications of the residents of settlements used by rural bureaucrats (employees of rural administrations and members of their teams). The analysis is based on materials gathered through participant observation in two rural settlements in southwestern Siberia. The principles by which the “characters” of villages are distinguished are examined, i.e. in what contexts a “moral cartography” of localities takes place. The study shows that the most frequent differentiating features in the bureaucratic characterisation of villages are: 1) the independence of residents in solving their problems or addressing the requirements of the administration; 2) cohesion and willingness to help bureaucrats in governance or lack thereof. These classification signs indicate the “problematic nature” of the village for rural bureaucrats, i.e. the possibility of conflicts, complaints and claims. The author concludes that one of the functions of the bureaucratic classification of villages is contingency coping strategy, which is characteristic of the task-oriented work of rural bureaucrats. Knowledge of the “character” of the inhabitants of settlements allows officials to form expectations, develop work strategies and explain managerial successes and failures. In addition, the ability to map the social space of a village is important for confirming the status of rural governors and especially the heads of rural administrations. Faced daily with a shortage of administrative and material resources, rural bureaucrats find their own intermediate positions to be vulnerable. However, the “proper” knowledge of social space allows them seemingly to reverse their dependent position. As for governors responsible for space, the classifications of villages give local officials an opportunity to demonstrate a comprehensive knowledge of the territory, thereby testifying to their status as “owners” (*khozyaeva*) of the land.

Keywords: anthropology of bureaucracy, municipal government, street-level bureaucracy, rural administration, contingency, classification.

Acknowledgments

The reported study was funded by Russian Science Foundation — research project no. 22-18-00238 <<https://rscf.ru/project/22-18-00238/>>.

I would like to thank my colleagues from the European University and the participants of the “Anthropological Circle” led by N. Ssorin-Chaikov (HSE St Petersburg) for their attentive reading, inspiring discussion and comments, which I tried to take into account as much as I could while working on the text.

References

- Bayly S., ‘Mapping Time, Living Space: The Moral Cartography of Renovation in Late-Socialist Vietnam’, *The Cambridge Journal of Anthropology*, 2013, vol. 31, no. 2, pp. 60–84. doi: 10.3167/ca.2013.310204.
- Becker H. S., ‘Social Class and Teacher-Pupil Relationships’, Carr E. R., Mercer B. E. (eds.), *Education and the Social Order*. New York: Rinehart & Co., 1957, pp. 273–285.
- Bourdieu P., ‘Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital’, Kreckel R. (Hrsg.), *Soziale Ungleichheiten*. Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983, SS. 183–198. (Soziale Welt, Sonderheft 2).
- Brown E., ‘The “Unchildlike Child”: Making and Marking the Child / Adult Divide in the Juvenile Court’, *Children’s Geographies*, 2011, vol. 9, no. 3–4, pp. 361–377. doi: 10.1080/14733285.2011.590716.
- Campbell D., Shapiro M. J. (eds.), *Moral Spaces: Rethinking Ethics and World Politics*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1999, 268 pp.
- Cooper E., Pratten D., ‘Ethnographies of Uncertainty in Africa: An Introduction’, Cooper E., Pratten D. (eds.), *Ethnographies of Uncertainty in Africa*. London: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 1–16. doi: 10.1057/9781137350831_1.
- Cronin M. G., ‘Fantastic Longings: The Moral Cartography of Kate O’Brien’s *Mary Lavelle*’, Huber W., Mayer S., Novak J. (eds.), *Ireland in/and Europe: Cross-Currents and Exchanges*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2012, pp. 105–116. (Irish Studies in Europe, vol. 4).
- Dando C. E., ‘“The Map Proves It”: Map Use by the American Woman Suffrage Movement’, *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*, 2010, vol. 45, no. 4, pp. 221–240. doi: 10.3138/carto.45.4.221.
- Douglas M., *How Institutions Think*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1986, 158 pp.
- Drannikova N. V., *Lokalno-gruppovye prozvishcha v traditsionnoy kulture Russkogo Severa: funktsionalnost, zhanrovaya sistema, etnopoetika* [Local and Group Nicknames in Traditional Culture of the Northern Russia: Functionality, Genre System and Ethnopoetics]. Arkhangelsk: Pommorsky University Press, 2004, 432 pp. (In Russian).

- Driver F., 'Moral Geographies: Social Science and the Urban Environment in Mid-Nineteenth Century England', *Transactions of the Institute of British Geographers*, 1988, vol. 13, no. 3, pp. 275–287. doi: 10.2307/622991.
- Ferguson J., 'The Country and the City on the Copperbelt', *Cultural Anthropology*, 1992, vol. 7, no. 1, pp. 80–92.
- Fleury-Steiner B. D., Dunn K., Fleury-Steiner R., 'Governing through Crime as Commonsense Racism: Race, Space, and Death Penalty "Reform" in Delaware', *Punishment & Society*, 2009, vol. 11, no. 1, pp. 5–24. doi: 10.1177/1462474508098130.
- Foucault M., 'The Subject and Power' [Le sujet et le pouvoir], Dreyfus H., Rabinow P., *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1982, pp. 208–226.
- Foucault M., *Sécurité, territoire, population: Cours au Collège de France (1977–1978)*. Paris: Gallimard; Seuil, 2004, 435 pp.
- Friendly M., Palsky G., 'Visualizing Nature and Society', Akerman J., Karrow R. (eds.), *Maps: Finding Our Place in the World*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2007, pp. 207–253.
- Griffiths M., 'Living with Uncertainty: Indefinite Immigration Detention', *Journal of Legal Anthropology*, 2013, vol. 1, no. 3, pp. 263–286. doi: 10.3167/jla.2013.010301.
- Handelman D., 'Introduction: The Idea of Bureaucratic Organization', *Social Analysis*, 1981, no. 9, pp. 5–23.
- Harley B. J., 'Maps, Knowledge and Power', Cosgrove D., Daniels S. (eds.), *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design, and Use of Past Environments*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, pp. 277–312.
- Herzfeld M., *The Social Production of Indifference: Exploring the Symbolic Roots of Western Bureaucracy*. Chicago, IL; London: The University of Chicago Press, 1992, 209 pp.
- Heyman J. McC., 'Putting Power in the Anthropology of Bureaucracy', *Current Anthropology*, 1995, vol. 36, no. 2, pp. 261–287. doi: 10.1086/204354.
- Lipsky M., *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. New York: Russell Sage Foundation, 2010, XXIII+275 pp.
- Meillassoux Q., *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris: Seuil, 2006, 180 pp.
- Nikulin A. M., 'Mezhdú gosudarstvom i grazhdanami: osobennosti mirovozzreniya munitsipalnykh sluzhashchikh Arkhangel'skoy oblasti' [Between the State and Citizens: Features of the Worldview of Municipal Employees of the Arkhangel'sk Region], Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskiy analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, pp. 228–250. (In Russian).
- Nisar M. A., Masood A., 'Dealing with Disgust: Street-Level Bureaucrats as Agents of Kafkaesque Bureaucracy', *Organization*, 2020, vol. 27, no. 6, pp. 882–899. doi: 10.1177/1350508419883382.
- Roberts S. E., 'The Bureaucratic and Political Work of Immigration Classifications: An Analysis of the Temporary Foreign Workers Program and

- Access to Settlement Services in Canada', *Journal of International Migration and Integration*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 973–992. doi: 10.1007/s12134-019-00693-w.
- Rogers D., 'How to Be a Khoziain in a Transforming State: State Formation and the Ethics of Governance in Post-Soviet Russia', *Comparative Studies in Society and History*, 2006, vol. 48, no. 4, pp. 915–945. doi: 10.1017/S001041750600034X.
- Rogozin D. M. (ed.), *Rossiyskiy chinovnik: sotsiologicheskii analiz zhiznennogo mira gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh* [A Russian Bureaucrat: A Sociological Analysis of the Lifeworld of the State and Municipal Civil Servants]. Moscow: Institute of Sociology RAS Press, 2015, 316 pp. (In Russian).
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R., 'Mir professiy: peresmotr analiticheskikh perspektiv' [The World of Professions: Analytical Perspectives Reconsidered], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 8, pp. 25–35. (In Russian).
- Safronov A. V., 'Kontingentna li kontingentnost: nekotorye kommentarii v svyazi s retsenziyey A. V. Markova na knigu "Kauzalnyy dualizm"' [Is Contingency Itself Contingency: Response to the Review by A. V. Markov for the Book *Causal Dualism*], *Filosofiya: zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 387–401. doi: 10.17323/2587-8719-2022-1-387-401. (In Russian).
- Sheludkov A. V., Rasskazov S. V., Farakhutdinov Sh. F., *Selskie munitsipaliteti yuga Tyumenskoy oblasti: prostranstvo, statistika, vlast* [Rural Municipalities in the South of the Tyumen Region: Space, Statistics, Power]. Moscow: Strana Oz, 2016, 184 pp. (In Russian).
- Shweder R. A., 'The Risky Cartography of Drawing Moral Maps: With Special Reference to Economic Inequality and Sex Selective Abortion', Casaniti J. L., Menon U. (eds.), *Universalism without Uniformity: Explorations in Mind and Culture*. Chicago, IL; London: The University of Chicago Press, 2017, pp. 280–305. doi: 10.7208/chicago/9780226501710.003.0016.
- Stalcup M., 'Policing Uncertainty: On Suspicious Activity Reporting', Samimian-Darash L., Rabinow P. (eds.), *Modes of Uncertainty: Anthropological Cases*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015, pp. 69–87.
- Thompson E. P., 'Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism', *Past & Present*, 1967, no. 38, pp. 56–97.
- Tuesta D., 'Rethinking Prosecutorial Discretion: Towards a Moral Cartography of Prosecutors', *The British Journal of Criminology*, 2021, vol. 61, no. 6, pp. 1486–1502. doi: 10.1093/bjc/azab040.
- Van Maanen J., 'The Asshole', Manning P. K., Van Maanen J. (eds.), *Policing: A View from the Street*. New York: Random House, 1978, pp. 307–328.
- Whyte S. R., Siu G. E., 'Contingency: Interpersonal and Historical Dependencies in HIV Care', Cooper E., Pratten D. (eds.), *Ethnographies of Uncertainty in Africa*. London: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 19–36. doi: 10.1057/9781137350831_2.
- Winlow H., 'Mapping Moral Geographies: W. Z. Ripley's Races of Europe and the United States', *Annals of the Association of American Geographers*, 2006, vol. 96, no. 1, pp. 119–141. doi: 10.1111/j.1467-8306.2006.00502.x.